

Ван Чжэнь с опечаленным видом произнёс:

— Давно я не заглядывал домой... Неужели четвёртый дядя считает, что я засиделся?

Ван Хуэй мысленно ругнулся: «Притворщик несчастный!», но вслух возразил:

— С чего ты взял! Просто ты обычно так занят по службе... Откуда же на этот раз нашлось время так долго отдыхать дома?

— Не сказать, чтобы я только отдыхал.

Ван Хуэй обомлел:

— Хм?

Ван Чжэнь неторопливо произнёс всего два слова:

— Управа Гусу.

Ван Хуэй мгновенно всё понял. Сбавив тон, он тихо прошептал:

— Неужто твоё возвращение связано с тем, что Второй принц замышляет в управе Гусу?

Ван Хуэй кое-что слышал про дела Военно-серебряного банка, оттого и сообразил так быстро.

Ван Чжэнь лишь безмятежно улыбнулся, оставив вопрос без ответа.

Теперь Ван Хуэй окончательно осознал цель визита Ван Чжэня. На словах — навестил родных, а на деле — тайно расставлял своих людей в управе Гусу. Что ж, раз так, прогнать его тем более не выйдет — придётся племянникам и дальше терпеть мучения.

Вдруг Ван Хуэй вспомнил:

— Кстати, а как у вас с Тан Цзинцзэ? Прошло уже два года, а подвижек всё нет. Это совсем на тебя не похоже.

Рука Ван Чжэня, державшая пиалу, едва заметно вздрогнула. Опустив глаза, он проговорил:

— Моё возвращение связано и с ним.

— А? — удивился Ван Хуэй.

Ван Чжэнь продолжить:

— Если постоянно осыпать лаской и нежностью, то откуда взяться контрасту? Как иначе дать ему понять, насколько я для него важен?

Ван Хуэй отличался тонким умом, а уж в делах сердечных и вовсе был искушённым бывалым знатоком. Услышав это и сопоставив с поведением Ван Цзыфэна в последние дни, он всё понял и ухмыльнулся:

— Твоя правда, Цзыфэн. Да только жестоко это... неужто тебе не жаль? Твой младший соученик сейчас далеко, в городе Шэнцзин. Небось от тоски по тебе ни есть, ни пить не может и мечтал бы прилететь в управу Цзиньлин! И у тебя хватает духа смотреть на его мучения?

Ван Чжэнь тяжело вздохнул и поставил пиалу.

— Жаль или не жаль, жестоко или нет — что толку? Он ведь явно ко мне равнодушен, и я не могу не видеть чувства в его глазах. Да только он сам ничего не понимает и признаваться не желает.

Когда ещё увидишь, чтобы Ван Цзыфэн вот так открывал душу! Четвёртый дядя мысленно ахнул от изумления и с восторженным любопытством впился в него взглядом.

Ван Чжэнь бросил на него короткий взор и мягко произнёс:

— Четвёртый дядя.

Ван Хуэй втянул голову в плечи, покашлял и поднялся:

— Вспомнил, у меня ведь ещё дела в лавке, поеду я.

Он уже дошёл до ворот двора, как Ван Чжэнь окликнул его. Ван Хуэй повернулся:

— Хм? Что-то ещё, Цзыфэн?

Ван Чжэнь помешкал и ответил:

— Через десять дней я возвращаюсь в столицу.

Ван Хуэй опешил:

— Хорошо.

Выйдя из двора Ван Чжэня, Ван Хуэй не удержался от покачивания головой: «Твердил, мол, не жалко, хватит духа... А сам-то! Всё равно сжалился!»

В конце десятого месяца Чжао Фу снова занемог и отменил утренние аудиенции.

Глава Астрономического приказа Ли Сяорэнь и монах Шаньтин изо дня в день возносили моления о здравии государя в Дворце Фунин. По всему императорскому дворцу то и дело мелькали длинноносые даосы в подрясниках и обритые наголо монахи в монашеских одеяниях.

На сей раз болезнь Чжао Фу пришла со всей лютостью, и кроме нескольких сановников первого ранга, государь никого не принимал. Не то что Тан Шэнь — даже Су Вэньюнь не смог ни разу предстать пред очи Чжао Фу.

В тот день Тан Шэнь вернулся из Цензората домой и застал счетовода Линя, Яо Саня и Тан Хуан за проверкой счётных книг.

Увидев Тан Шэня, троица тут же передала ему книги на просмотр. Пролистав их наугад, Тан Шэнь к своему удивлению обнаружил, что прибыль за этот квартал выросла почти на двадцать процентов по сравнению с обычным уровнем. Отведя Тан Хуан в кабинет и расспросив её подробнее, он узнал: эта надбавка возникла не из-за роста выручки, а благодаря снижению издержек.

— Я всё размышляла: самое крупное дело нашей семьи — Павильон Чжэньбао. Терем Сися уже открыл заведения в Гусу, Цзиньлине и Шэнцзине, да ещё и филиал в Шэнцзине заработал. Но Павильон Чжэньбао — не Терем Сися, открыть его где-то ещё тяжело: столько покупателей

найдётся разве что в Шэнцзине. Я долго думала, как сократить расходы, и решила, что лучше нанять больше людей.

Тан Шэнь уже догадался, что придумала его сестра, но всё же переспросил:

— Нанять больше людей? Но ведь тогда и на оплату труда уйдёт больше денег?

— Зато вырастет производительность! — Тан Хуан принесла счёты, быстро пощёлкала костяшками и показала результат Тан Шэню: — Взять хотя бы стекольную мастерскую. Прежде мы уже старались разделять обязанности ремесленников. Но если один ремесленник делает всю работу по подготовке сырья, то при всём старании за день он успевает приготовить лишь одно ведро смеси. Если же один ремесленник будет толочь доломит, второй — смешивать компоненты, а третий — сверять пропорции, втроём они сделают за день три ведра смеси! И выгода от этого значительно перекрывает жалование троих рабочих.

Шестнадцатилетняя Тан Хуан расцвела и превратилась в настоящую барышню. В ней больше не узнавалась та отчаянная девочка из деревни Чжаоцзя, что защищала фруктовый сок и прогоняла местных деревенских задир. Однако Тан Шэнь, глядя на сестру, чувствовал: она стала куда сильнее, чем прежде.

Помолчав, Тан Шэнь спросил:

— То, что я просил найти брата Яо... Нашли?

Тан Хуан со вздохом покачала головой:

— Нет. В Великой Сун этого, похоже, нет вовсе, либо ещё никто не наткнулся. Придётся поискать в Государстве Ляо.

Брат с сестрой побеседовали ещё немного, пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись.

Тан Шэнь, разумеется, не стал рассказывать Тан Хуан о том, что заслал своего человека в Государство Ляо. Впрочем, корыстным использованием служебного положения это назвать было нельзя: Цяо Цзю и так был купцом, и попросить его поискать вещь в Государстве Ляо не составило бы труда. Однако Тан Шэнь пока не собирался этого делать.

Однако Тан Шэнь и помыслить не мог, что стоит им с Тан Хуан заговорить о Государстве Ляо, как на следующее же утро в Шэнцзин примчится секретное донесение с молниеносной почтой.

Гонец загнал двух резвых коней и обессиленно доставил секретную депешу во дворец. Во второй половине того же дня Тан Шэнь и Су Вэньюнь получили секретную записку от Ван Сяо. В письме содержалась всего одна краткая строка, но, прочитав её, оба замерли в ужасе и с немой растерянностью уставились друг на друга.

На следующий день скрывать случившееся стало невозможно.

Три дня назад в управе Дадин Принцесса Аньдин вступила в прелюбодейную связь с Четвертым принцем Государства Ляо Елюй Лунчжэнем и была поймана Императором Ляо с поличным. Елюй Лунчжэня лишили титула и изгнали из дворца, а Принцессу Аньдин по приказу Императора Ляо забили плетью — от ста ударов она скончалась на месте. Вслед за этим Император Ляо выставил претензии Великой Сун и направил посольство, которое со дня на день должно было прибыть в Шэнцзин.

Принцесса Аньдин была той самой девой, которую Чжао Фу год назад отправил в Государство Ляо для династического брака.

Девятый князь скончался много лет назад, и его дочь-уездную княжну Чжао Фу все эти годы оборачивал полным небрежением. Единственным случаем, когда Чжао Фу вспомнил о ней, стало решение выдать её замуж ради мира с Государством Ляо. Чжао Фу пожаловал ей титул принцессы с именованием «Аньдин», да только какое уж тут умиротворение, если вспыхнула такая катастрофа!

Чжао Фу всё ещё болел и не мог проводить утренние аудиенции, однако призвал нескольких канцлеров во дворец и долго беседовал с ними во Дворце Фунин.

Левый канцлер Цзи Вэнцзи вышел за ворота Дворца Фунин. Замрев у дверей дворца, он поднял голову и долго вглядывался в бескрайнюю синеву неба. Проходивший мимо Правый канцлер Ван Цюань остановился и спросил:

— На что смотрит канцлер Цзи?

Цзи Вэнцзи отвёл взгляд:

— Просто так гляжу. Не обращайтесь внимания, канцлер Ван.

Вслед за ними из дверей дворца вышли Чэнь Линхай, Сюй Би и остальные сановники.

Цзи Вэнцзи тяжело вздохнул и, взмахнув рукавами, удалился.

Той же ночью Тан Шэнь и Су Вэньюнь вместе отправились во дворец, чтобы доложить императору о подлинном положении дел с осквернением гарема Государства Ляо Принцессой Аньдин.

Чжао Фу полулежал на подушках с прикрытыми глазами, слушая Тан Шэня.

Когда Тан Шэнь закончил, государь негромко проговорил сиплым, слабым от болезни голосом:

— Стало быть, по мнению Цзинцзэ, моя племянница на самом деле могла ничего и не совершать? Было бы желание обвинить, а предлог найдётся... Наша принцесса лишь послужила поводом для кое-кого, желающего устранить Четвертого принца Государства Ляо?

Тан Шэнь промолчал, не смея перечить.

Чжао Фу спросил:

— Фэйжань, а ты что скажешь?

Су Вэньюнь опустил свои яркие, прекрасные глаза с разрезом в форме персиковых цветков. Низко поклонившись, он прямо ответил:

— Принцесса Аньдин — принцесса нашей Великой Сун. Совершила ли она недозволенное на самом деле, ведомо лишь покойной принцессе, казнённым служанкам да разжалованному в простолюдины Четвертому принцу. Истина более не имеет значения. Важнейшим делом подданный считает прибытие посольства Государства Ляо через два дня.

Чжао Фу смежил веки и едва слышно проронил:

— У императора Ляо всего четверо сыновей-принцев. Теперь одного не стало, осталось трое... Совсем как у меня.

Тан Шэнь и Су Вэньюнь стояли, опустив головы, и не роняли ни слова.

Спустя два дня посольство Государства Ляо прибыло в столицу.

<http://bllate.org/book/18292/1757451>